Онтологические основания переезда горожан в деревню[1]

О.Я. Виноградская

Ольга Яковлевна Виноградская, старший научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: vgrape58@yandex.ru.

В статье рассматриваются базовые причины переезда горожан в деревню на постоянное местожительство. Суть их в том, что «захваченность» человека в городе событиями технологического мира принуждает его отказаться от своей субъектности — этот мир не оставляет ему возможности каким-то образом повлиять на ситуацию непрерывной «при-ставленности» к обязательным ежедневным хозяйственным процессам, замкнутым в прочный бытийный круг. Повседневная технологическая рутина городской жизни непрерывно подпитывает ощущение безвыходности и даже опасности этих процессов, изолирующих человека от другого, целого мира, в котором есть место и природе, и надеждам на то, что он наконец-то может пожить «по-человечески». Горожане пытаются хотя бы на время вырваться из захватившего их технологического мира и при каждом удобном случае уехать за город, на дачу, в путешествие, к родственникам в деревню или, что происходит сегодня всё чаще, — решиться на переезд в сельскую местность. Переезжая в деревню, горожане видят в ней, в отличие от сельских жителей, необычное, эксполярное пространство, открывающее простор для творческих начинаний, способных осуществиться только в этом новом мире. Отличие последнего от городской «машинерии» не в пониженном «градусе» его механизированности, а в том, что эта «сумма технологий» уже не подчиняет себе человека, а раскрывает себя со всеми своими опасностями и возможностями их преодоления, исподволь «подсказывая» человеку способы искусного и продуктивного овладения разнообразием цивилизационных инноваций.

Ключевые слова: город, деревня, бывшие горожане, сельские жители, миграция, хозяйственные практики, технологический мир, технологическая эволюция

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-4-123-135

Для современной социологии тема, связанная с переездом горожан на постоянное местожительство в деревню, не нова́ и ассоциируется в основном с обустройством горожанами своей жизнедеятельности в более комфортных с экологической точки зрения условиях. Таким образом, феномен переезда горожан в деревню, по мнению исследователей, укладывается в определенную объяснительную схему, выстраиваемую в значительной степени на рациональных основаниях (В глушь, 2018; Войнилов и др., 2016; Задорин

1. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-03-50018 а(ф)

и др., 2014; *Кармазин*, 2018; Стешин, Гусейнов, 2016) и совпадающую в некоторых своих аспектах с концепциями «дачной трансформации»[2] современной сельской местности. При этом «бегство» сельских жителей в города происходит также по рациональным основаниям (наличие работы, постоянной и относительно высокой зарплаты, благоустроенного жилья, развитой инфраструктуры), но в этом случае в «жертву» приносится уже экологический комфорт.

Различие жизненных обстоятельств, ответственных за те или иные перечисленные варианты миграций и мобильностей, не объясняет рациональность выбора во всех этих случаях. И здесь возникает вопрос: не облегчает ли этим выбором исследователь свою задачу по изучению оснований для обоснования той или иной миграции и мобильности? Не навязывает ли он объекту исследования свою собственную рациональность? Рамки настоящей статьи не позволяют ответить на все поставленные вопросы, поэтому мы сосредоточимся только на рассмотрении оснований феномена переезда горожан в деревню на постоянное местожительство.

Сейчас практически невозможно зафиксировать временны́е границы появления феномена миграционной мобильности горожан, однако их дачная мобильность приобретает массовый характер в результате развития промышленности и технологических революций. Почему последствия технологических достижений, улучшающих качество жизни горожан, привели к увеличению их мобильности за пределы городов? Не явилась ли дачная мобильность предвестником миграционной активности горожан?

Для ответа на эти вопросы следует уточнить понятие «миграция». Представитель Чикагской школы социологии Р. Парк разделял миграцию и мобильность как «простое перемещение», например, «цыган и других народов-париев», движения которых, по его мнению, «не влекут за собой никаких важных изменений в культурной жизни», и поэтому их «следует рассматривать скорее как географический факт, чем как социальное явление» (Парк, 2011б: 228). Миграция же, по Парку, «заключает в себе как минимум изменение места жительства и разрушение домашних связей» (Там же). Под миграцией мы будем понимать не просто передвижение людей в новые условия существования, сопровождаемое частичной потерей их домохозяйствами прежних социальных связей, а лишь такое, поводом к чему послужила внешняя по отношению к ним причина (например, отсутствие работы, необходимой инфраструктуры, условий для личностного развития и т. п.). Исходя из предложенного понимания миграции, переезд горожан в деревню на постоянное местожительство фактически является средством достижения

2. Такого типа модели предполагают создание в процессе «дезурбанизации» своеобразных «сельско-городских сообществ в континууме “город–деревня”» (Горожане, 2016).

«пред-ставленной» им как субъектом цели, инструментом достижения которой выступают они сами со своей способностью на новом месте жительства «быть хозяевами» в их «собственном обеспечении и обеспеченности»[3].

Для того чтобы понять причину, «повинную» в переезде горожан в деревню на постоянное местожительство в современных российских реалиях, необходимо хотя бы в общих чертах прояснить, что же из себя представляет город сегодня как социальное явление. Для этого мы снова обратимся к наблюдениям Парка, как одного из пылких приверженцев городского образа жизни, поскольку мир сегодняшних крупных городов с социологической точки зрения мало чем отличается от современного ему городского «механизированного мира», освобождающего человека «от власти природы и обстоятельств», всецело довлевших над его «примитивным» предшественником (Парк, 2011б: 232). В своём очерке 1940 года Парк точно и выразительно описал образ современного ему крупного города, сравнивая последний с машиной, изменяющей «человеческую среду обитания» и навязывающей «людям дисциплину почти целиком и полностью механизированного мира» (Парк, 2011а: 166). В этом мире, по его словам, социальные проблемы города переходят в разряд «социальной инженерии», а все его «жизненные функции» рационализируются и могут быть выполнены «при помощи какой-нибудь машины» (Там же). При этом истинная природа города, по Парку, остаётся скрытой как от самих горожан, так и от стороннего наблюдателя. «Современный город давно перестал быть той агломерацией индивидуальных жилищ, какой была крестьянская деревня. Скорее он похож на цивилизацию, центром и средоточием которой является он сам, на некую обширную физическую и институциональную структуру, где люди живут, подобно пчелам в улье, в таких условиях, что их деятельности регулируются, регламентируются и обусловливаются в гораздо большей мере, чем может показаться зрителю или самому его обитателю» (Там же).

В приведённой выше характеристике городского «механизированного мира» Парк не чувствует опасность для человека, затаившуюся в регламентно-регулирующем управлении, нацеленном прежде всего на *обеспечение* самого себя. Человек в этом «полно-

3. Онтологически процесс «собственного обеспечения и обеспеченности» не связан с обычным получением индивидом каких-либо благ или обеспеченности себе безбедного существования. Здесь он понимается в границах декартовской метафизики, в которой, по Хайдеггеру, «Бытие есть удостоверяемая рассчитывающим пред-ставлением пред-ставленность, посредством которой человеку повсюду обеспечивается поступательное движение среди сущего, исследование, завоевание, покорение и препарирование сущего, причем так, что он сам от себя способен быть хозяином своего собственного обеспечения и обеспеченности» (Хайдеггер, 2007б: 182).

стью механизированном мире» одновременно и при-ставлен к самообеспечительному процессу управления городской «цивилизацией», и участвует в нём, не подозревая об этом, и этим его жизнь в городе отличается от жизни пчёл в улье, который встроен вместе с ними в природный процесс производства меда. Последний процесс в отличие от первого запущен и осуществляется самим человеком и при его непосредственном участии, но распорядителем этого процесса он уже не является, как не является и «хозяином» во *внешнем* по отношению к нему «механизированном мире» города. Именно в этом факте заложено различие города и деревни дотехнологической эпохи от подобных типов поселений нового времени. Здесь следует отметить, что традиционная крестьянская деревня той эпохи, как и, например, древнегреческий город, никогда не были «агломерациями индивидуальных жилищ». Так, крестьянская усадьба не была просто *жилищем*, она была двором, владением (не в юридическом смысле), включающим в себя ещё и землю, которую крестьянин обрабатывал, заботился о ней, и всё это хозяйство было целым миром, встроенным в природный процесс, как и улей, но, в отличие от последнего, здесь крестьянин был хозяином и распорядителем.

Ещё не так давно, во времена крестьяноведческой экспедиции Т. Шанина (1990 г.), такое хозяйское отношение к своей усадьбе, двору понималось крестьянами как просторный мир, требующий от него постоянной заботы и участия. В монографии «“Орудия слабых”: технология и социальная логика повседневного крестьянского существования» В.Г. Виноградский пишет: «...физические и материально-вещественные масштабы крестьянского двора значительно крупнее, чем размеры дома, где живёт семья. Об этом хорошо сказал И.Д. Меркулов.

> “*— В деревне как? То в избу, то из избы... И бегаешь! Одной избой-то в деревне разве проживешь? Всё время ко двору надо выходить. Твоё хозяйство-то! Оно — гора-а-аздо шире избы...*” (Поволжье, Тёпловка Саратовской области. Меркулов)» (Виноградский, 2009: 144).

В отличие от деревни дотехнологической эпохи, современная — в большей степени представляет собой «агломерацию индивидуальных жилищ», в которой живут люди, при-ставленные к разнообразным производственным процессам, в том числе и к сельскохозяйственным, *на службу которых пока ещё по-ставлена природа*[4], но при этом сами они не являются субъектами

4. По словам Хайдеггера, «иначе устроенное земледелие», при котором полеводство превращается в «механизированную отрасль пищевой промышленности», ставит природу «на службу производству в смысле добычи» (Хайдеггер, 2007а: 313). Но уже сегодня успешно разрабатываются новые

управления всех этих технологических циклов, функционирующих ради самообеспечения. Просматривающаяся сегодня технологическая эволюция сигнализирует о том, что в ближайшем будущем производство продуктов питания будет обходиться не только без природы, но и без непосредственного участия человека, которого заменят роботы[5]. Сегодня же российские деревни представляют собой даже не «агломерации», а рассредоточения индивидуальных жилищ по некой местности, объединенных разве что энергоснабжающей инфраструктурой. Их жители не управляют не только общепоселенческими процессами, но и теми, которые связаны с непосредственной жизнедеятельностью своих домохозяйств. На все вопросы о будущем своих поселений они, в большинстве своём, отвечают, что здесь у них его нет, и предрекают исчезновение деревень. А их дети мечтают побыстрее отсюда уехать, обосновывая это тем, что «здесь скучно и вообще нечего делать».

На этом фоне сам факт переезда горожан в деревню на постоянное местожительство вызывает больше вопросов, чем, например, безвозвратная миграция сельчан в города, рациональные причины которой достаточно хорошо исследованы специалистами разных областей знаний. И хотя первый факт является довольно незначительным с точки зрения статистики и относится количественной социологией к разряду маргинальных случаев, нам представляется, что его причинность укоренена в действительно сущностных процессах и на самом деле является предупреждением об опасности отказа человека от истинной роли своей субъектности в современном технологическом мире[6]. Самый главный вопрос, возникающий

технологии получения продуктов питания, для производственных циклов которых не нужны ни земля, ни природа. Биореакторы, задействованные в таких циклах, могут работать в любой точке планеты, где есть электричество, независимо от климата и погодных условий (Orispää, 2018).

5. В штате Калифорния в 2018 году появилась первая автономная ферма по круглогодичному выращиванию растений гидропонным методом, на которой все технологические процессы выполняют «невероятно умные» роботы (America's, 2018).
6. В этом мире, по Хайдеггеру, «всё присутствующее предстаёт в свете причинно-следственных взаимодействий» (Хайдеггер, 2007а: 322). «Равным образом то раскрытие, в ходе которого природа предстает как рассчитываемая система сил и воздействий, позволит делать правильные утверждения, но как раз из-за этих успехов упрочится опасность того, что посреди правильного ускользнёт истинное» (Там же). Для человека, по словам Хайдеггера, такая опасность «даёт о себе знать в двух смыслах. Коль скоро непотаенное захватывает человека даже и не как объект, пред-стоящий человеку, а уже исключительно как состоящее-в-наличии, человек среди распредметившегося материала становится просто поставителем этой наличности — он ходит по крайней кромке пропасти, а именно того падения, когда он сам себя будет воспринимать уже просто как нечто состоящее в наличности. А между тем как раз под этой

при исследовании причин переезда горожан в деревню на постоянное местожительство, таков –– не является ли эта передислокация «афтершоком» тех событийных сдвигов в системе «село–город», которые разглядел и описал в одном из своих рассказов В.М. Шукшин[7]? (Шукшин, 1998а). В сущности, Шукшин рассказывает здесь о силе, которая соткалась в социуме начала 1970-х годов и которая сперва властно «передвинула» героя рассказа из деревни в город, а затем, когда он, уже прижившись в городской среде, собирался было на пенсию, внезапно огорошила его некой странной, чуть ли не чудаческой, прихотью, которую «он и не хотел объяснять и особенно не вдумывался, а подчинялся этой прихоти (надо еще понять, прихоть это или что другое)» (Там же: 34). Прихоть эта каким-то необъяснимым образом была связана с покупкой избы в деревне, чтобы «дожить спокойно свои дни, дожить их достойно, по-человечески» (Там же).

В любом крупном городе человек настолько захвачен процессами технологического мира, что у него нет возможности как-то повлиять на эту ситуацию, вырваться из этого порочного круга, в котором ему отведена роль «поставщика наличности». Ощущая эту опасность, горожане пытаются хотя бы на время вырваться из этого захватившего их мира и при каждом удобном случае покинуть город — уехать за город, на дачу, в путешествие, к родственникам в деревню или вообще решиться на переезд в сельскую местность.

Эта же «великая сила» технологического мира продолжает и в наше время передвигать ещё оставшихся в деревне людей в город. И это движение — если откинуть бесстрастное демографостатистическое полотно — окрашено драматизмом, нередко исполнено экзистенциальной яростью. Вот пример из диалога между сельчан-

---

нависшей над ним угрозой человек раскорячился до фигуры господина земли. Распространяется видимость, будто все предстающее человеку стои́т лишь постольку, поскольку так или иначе поставлено им. Эта видимость со временем порождает последний обманчивый мираж. Начинает казаться, что человеку предстаёт теперь повсюду уже только он сам» (Там же: 322-323).

7. «Некто Кузовников Николай Григорьевич вполне нормально и хорошо прожил. Когда-то, в начале тридцатых годов, великая сила, которая тогда передвигала народы, взяла и увела его из деревни» (Шукшин, 1998а: 34). Здесь следует уточнить, что, хотя рассказ и называется «Выбираю деревню на жительство», он вообще не о переезде героя обратно в деревню. Скорее, это ирония автора в отношении «горожан», переехавших в город, но так и оставшихся по своей сути «деревенщиной», презирающих сельчан и испытывающих к ним, по словам Шукшина, такое чувство, как «холодная мстительная ярость и злое удовольствие» (Шукшин, 1998б: 504). Однако это не умоляет того факта, что крупный художник через рутинную повседневность также ощущает на себе воздействие этой «великой силы», захватывающей и подчиняющей себе человека.

кой, собирающейся уехать в город, и бывшей горожанкой, уже обосновавшейся в деревне. Говорит сельчанка:

> *«Вот вы — рветесь в деревню. А посмотрите на меня. Мне 42 года, я смертельно устала. У меня нет ни одного зуба. И у меня нет иной мечты, как всё это бросить, не касаться этих коров, этой земли. И я согласна ездить на работу на конвейер, на этот мясокомбинат, но я уже больше не могу. Мне бы только одно нужно — чтобы не касаться этой земли и этой скотины. Посмотрите на меня, какая я стала... Вы, городские, многого здесь не понимаете. Потому что ещё пока не вжились в эту жизнь...»* (Саратовская область, Новобурасский район, 2016).

Эта сравнительно молодая женщина душевно обескровлена. Она ощущает себя «захваченной» каким-то чужим для неё миром, приставленной к обязательным ежедневным хозяйственным процессам, потерявшей даже все свои мечты. Мир, в котором она сейчас живёт, представляется ей настолько безвыходным и опасным, что она готова сменить его на другой, лучший, хотя и механизированный в прямом смысле слова. Для неё город — это «обманчивый мираж», о котором говорил Хайдеггер и в котором, вероятнее всего, она найдёт лишь «видимость» самой себя[8], как герой Шукшина.

Вот следующий отрывок из аудиозаписи. Респондентка, бывшая горожанка, переехавшая в деревню, пытается осмыслить, оценить степень пока еще не осуществившейся вполне, но предчувствуемой «захваченности» деревенских детей технологическим миром города. Этот краткий рассказ является, в сущности, актом социальной диагностики — хорошо видно, что у неё, нынешней учительницы, отважно и сознательно погрузившейся в сельский мир, ещё теплится надежда на то, что непосредственное «общение» этих детей с природой каким-то «волшебным» образом сможет уберечь их от тотального контроля и подчинения городскому миру. Но реакция деревенских ребятишек неутешительна. Бабушки и дедушки, родители и их дети, и даже «кролики», которых они выращивают, «приведены» к «состоянию в наличии» в этом мире и подчинены его требованиям.

8. «...на самом деле с самим собой, т. е. со своим существом, человек сегодня как раз нигде уже не встречается» (Хайдеггер, 2007а: 323). По Хайдеггеру, эта «видимость» обеспечивается «существом техники», опирающимся на науку и подчиняющим её себе. Таким образом, всё сущее в природе, обществе и человеке приводится «существом техники» к «состоянию в наличии». Последнее, по Хайдеггеру, является обращенным к человеку вызовом, который он таковым не воспринимает и тем самым «просматривает самого себя как захваченного этим вызовом, прослушивает тем самым все способы, какими в своей захваченности эк-зистирует из своего существа, и потому уже никогда не может встретить среди предметов своего представления просто самого себя» (Там же).

«Я, вот, про молодежь в деревне думаю. Вот, взять тех же самых сельских детей... Ну, вот, мы, городские, приезжаем сюда, в деревню. Деревенские же стремятся туда, в город. И этот процесс очевиден, он есть. Вот, я спрашиваю здешних детей, когда они приходят ко мне на уроки рисования: "Вы хотели бы остаться в деревне?" — "А что здесь делать-то?.." Я говорю: "Ну, как же?! Вот, ты кроликов выращиваешь. У тебя здесь бабушка, дедушка. Мама вернётся из города и будет с тобой здесь жить..." — "Не-ет, здесь скучно!" То есть, я думаю, у деревенских детей нет осознания того, что в деревню из городов начинают люди ехать. Что уже неактуально ехать из деревни в город...» (Саратовская область, Новобурасский район, 2016).

И здесь мы снова возвращаемся к поставленному выше вопросу о том, что на самом деле стоит за переездом горожан в деревню на постоянное местожительство. Если это результат той же «силы», которая перемещает людей в перечисленных нами случаях, то чем он нам интересен? Для ответа на него опять обратимся к цитатам респондентов, обосновавшихся в деревне после «полностью упакованной» жизни в городе. Самое интересное, что их тоже волнует этот вопрос, который они задают не только сами себе, но и таким же, как они, бывшим горожанам.

«И вот поглядите: ведь сюда едут люди — один хлеще другого! И остаются жить... Ну, казалось бы, чего им в городе не хватает... Причем такие люди, по сравнению с которыми мы не можем считать себя как бы в авангарде. Например, молодая семья, которая купила недавно дом здесь, в селе. Мы по сравнению с ними пониже даже. Ведь, по сути, всё, о чём мечтает среднестатистический городской человек, у них здесь уже имеется. У них, как говорится, полностью упакованная жизнь. И эти люди, уже имея то, к чему стремятся многие другие, заявляют: "Нет! Нам город не нужен, город — это тупик!"

Они ведь совсем молодыми в деревню уехали, выбрали новую линию жизни. И этот выбор был настолько осознанный, настолько логичный, что тут задумаешься, вообще, о судьбах города и деревни...» (Саратовская область, Новобурасский район, 2016).

Достижение городской степени «упакованности» не является проблемой для переселенцев. Гораздо важнее для них, что их «линия жизни» в городе уперлась в «тупик», который не позволяет им реализовать себя как человека, осуществить свои мечты и проекты, которые им *интересны*. Они надеются, что их «новая» жизнь в деревне позволит не только им, но и их детям, что гораздо важнее для них, выйти из «состояния в наличии», не позволившего им в городе, реализовав свои мечты и проекты, просто встретиться с самими собой.

«Я всё время думаю вот о чем — захотят ли наши дети когда-нибудь так же, как и мы, вернуться в деревню? Вот в чём вопрос? Будет ли им интересно то, что мы сейчас делаем, наши проекты?..» (Саратовская область, Новобурасский район, 2016).

Они не романтические мечтатели, идеализирующие деревенский быт и здоровый образ жизни, или пресыщенные горожане, мечтающие ещё и о «домике в деревне», — и этим они решительно отличаются от дачников. Конечно, каждый случай — это неповторимый кейс, в котором, кроме банального просчитывания своих будущих бюджетов, присутствуют ещё какие-то иррациональные моменты, связанные с выбором как самого места проживания, так и практик своей будущей деятельности. Причём эти практики не есть что-то раз и навсегда выбранное, они могут меняться в зависимости от внешних по отношению к ним факторов (природных, рыночных, технологических, социальных и т. п.). Однако при этом не изменяется только то, что выбор остаётся за самим человеком. Следует особо отметить, что большинство среди бывших горожан составляют не просто носители средней городской культуры или стандартного образования. Это — по-настоящему творческие люди, способные *искусно* овладеть современными техническими достижениями, не становясь при этом захваченными их «существом»[9]. Вместе с тем их по-настоящему волнует будущее деревни, поскольку они понимают, что оно зависит от их сегодняшнего пре-бывания здесь.

«Мне вот что ещё интересно. Я так понимаю, что в деревне уже не будет такого гигантского возрождения сельского хозяйства, какое оно было, скажем, при Советском Союзе. Этих больших колхозов, по которым сейчас люди тоскуют ("Вот, мол, раньше как было хорошо..."), — этого уже не будет. А тогда что будет?» (Саратовская область, Новобурасский район, 2016).

Последний вопрос респондента, заданный самому себе, это не простое любопытство по поводу будущего деревни, и не элементарная информационная разведка — а что там? Это — именно *интерес*, то есть то, что, по Фасмеру, имеет важное значение[10]. В сущности,

9. Именно через сближение техники и настоящего искусства, в смысле его понимания как «техне», Хайдеггер видит спасение человека и его величие. «...кажется, пока мы не обращаем внимания на то, что захваченность поставлением действительного как состоящего в наличии — это в конечном итоге тоже миссия, посылающая человека на один из путей раскрытия потаенности. В качестве этой миссии существо техники дает человеку вступить в нечто такое, что сам по себе он не может ни изобрести, ни тем более устроить; ибо такой вещи, как человек, являющийся человеком только благодаря самому себе, не существует» (Хайдеггер, 2007а: 327).
10. Фасмер связывает появление в русском языке слова «интерес» с правлением Петра I, в частности, он относит его первое появление к 1703 году

интерес — это inter-esse, между-бытие. И, «...когда человек сталкивается с “интересом”, захвачен им, он начинает различать вещи» (Бибихин, 2012: 36). Он начинает видеть их.

Переезжая в деревню, горожане видят в ней, в отличие от сельских жителей, необычное, эксполярное, минующее заостренные крайности, пространство жизни. Оно не просто расстилается вдаль до не сломанного, плавного горизонта. Оно «захватывает» их, оно открывает перед ними простор для их творческих начинаний, способных реализоваться только в обновленном технологическом мире. Отличие последнего от городского «механизированного мира» Парка совсем не в степени их механизированности или технологичности, а в том, что эта технологичность уже не подчиняет себе человека, создавая у него иллюзию свободы посредством «обманчивых миражей», а раскрывает себя со всеми своими опасностями и возможностями их преодоления, «подсказывая» захваченному им человеку способы искусного овладения современными техническими и технологическими достижениями. Город со своей жесткой и блестящей «упакованностью» становится тесен для этого нового мира и для «захваченного» им человека.

Библиография

Бибихин В.В. (2012). Собственность. Философия своего. СПб.: Наука.

В глушь, под Ломоносов: почему горожане перебираются жить в деревню (2018). Медиапортал Ломоносовского района Ленинградской области LOMOLENOBL.RU. URL: https://www.lomolenobl.ru/v-glush-pod-lomonosov-pochemu-gorozhane-perebirajutsja-zhit-v-derevnju/ (дата обращения: 08.10.2018).

Виноградский В.Г. (2009). «Орудия слабых»: технология и социальная логика повседневного крестьянского существования. Саратов: Изд-во Сарат. ин-та РГТЭУ.

Войнилов Ю., Мальцева Д., Шубина Л. (2016). Открывая село заново: исследования сельских территорий // Векторы развития современной России / Ред. М.Г. Пугачева. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. С. 53-66.

Горожане в деревне (2016). Социологические исследования в российской глубинке: Дезурбанизация и сельско-городские сообщества / Сост. и науч. ред. В.И. Ильин, Н.Е. Покровский. М.: Университетская книга.

Задорин И., Мальцева Д., Хомякова А., Шубина Л. (2014). Альтернативные сельские поселения в России: стихийная внутренняя эмиграция или осознанный трансфер в будущее // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. № 2. С. 64-77. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21980042_44437692.pdf (дата обращения: 04.09.2017).

Кармазин И. (2018). Погнали городских. Жители мегаполисов бросают все и уезжают в деревню. РИА Новости. URL: https://ria.ru/society/20180314/1516279976.html (дата обращения: 08.10.2018).

Парк Р.Э. (2011а). Физика и общество // Избранные очерки. / Сост. и пер. с англ. В.Г. Николаев; отв. ред. Д.В. Ефременко. М.: ИНИОН.

от польского «interes или нем. Interesse из ср.-лат. interesse “иметь важное значение”» (Фасмер, 1986: 136).

Парк Р.Э. (2011б). Человеческая миграция и маргинальный человек // Избранные очерки / Сост. и пер. с англ. В.Г. Николаев; отв. ред. Д.В. Ефременко. М.: ИНИОН.

Стешин Д., Гусейнов В. (2016). Псковские робинзоны: Горожане побежали из бетонных трущоб, заселяя землю русскую заново. URL: http://www.msk.kp.ru/daily/26543/3560275/ (дата обращения: 22.06.2016).

Фасмер М. (1986). Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2 / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс.

Хайдеггер М. (2007а). Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / Пер. с нем.; сост., пер., вступ. ст., коммент. и указ. В.В. Бибихина. СПб.: Наука. С. 306-330.

Хайдеггер М. (2007б). Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / Пер. с нем.; сост., пер., вступ. ст., коммент. и указ. В.В. Бибихина. СПб.: Наука. С. 87-244.

Шукшин В.М. (1998а). Выбираю деревню на жительство // Собрание сочинений в 6-ти книгах. Книга третья. Странные люди. М.: Изд-во «Надежда-1». С. 33-40.

Шукшин В.М. (1998б). Собрание сочинений в 6-ти книгах. Книга третья. Странные люди / Прим., комм. Л. Аннинского, Г. Костровой и Л. Федосеевой-Шукшиной. М.: Изд-во «Надежда-1». С. 503-525.

America's first autonomous robot farm replaces humans with 'incredibly intelligent' machines (2018). URL: https://www.theguardian.com/us-news/2018/oct/08/robot-farm-iron-ox-california (дата обращения: 11.10.2018).

Orispää O. Maitoa ilman lehmää ja munia ilman kanaa — suomalaiset keksivät, miten maailman kasvavaa väestöä ruokitaan (2018). URL: https://yle.fi/uutiset/3-10402264 (дата обращения: 11.10.2018).

Ontological foundations of the townspeople moving to the village

Vinogradskaya Olga — Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: vgrape58@yandex.ru.

The article considers key reasons for townspeople moving to the village as a permanent residence. The author believes that the main reason is that the technological world of the big city forcibly deprives the man of subjectivity and does not allow him to influence continuous plunge into mandatory daily household routine and everyday endless cycle. The daily technological routine of urban life enhances the feeling of hopelessness and even danger of everyday practices, isolates people from each other. Some townspeople believe that rural world can provide them with a place and nature to live as "human beings". Townspeople try to at least temporarily escape from the technological world that seized them by getting out of the city to visit one's country house, by taking a journey, by visiting one's relatives in the village or, sometimes and today more and more often, by moving to the countryside. Townspeople, unlike villagers, consider the village an unusual expolar space that makes them happier and more creative and provides opportunities for activities that are possible only in this new world. The difference of the new world from the urban "mechanized" one is not the degree of mechanization but that the "technology" no longer subjugates the man but frees him from dangers and provides with opportunities to skillfully and effectively master a variety of innovations.

Key words: city, village, former townspeople, villagers, migration, economic practices, technological world, technological development

References

America's first autonomous robot farm replaces humans with "incredibly intelligent" machines (2018). URL: https://www.theguardian.com/us-news/2018/oct/08/robot-farm-iron-ox-california.

Bibikhin V.V. (2012) *Sobstvennost. Filosofiya svoego* [Property. Philosophy of Ownership]. Saint Petersburg: Nauka.

Fasmer M. (1986) *Etimologichesky slovar russkogo yazyka* [Russian Etymological Dictionary]. V 4-h tt. Vol. 2. Per. s nem. i dop. O.N. Trubacheva. Moscow: Progress.

Gorozhane v derevne. Sociologicheskie issledovaniya v rossijskoj glubinke: Dezurbanizatsiya i selsko-gorodskie soobschestva [Townspeople in the Village. Sociological Studies in the Russian Hinterland: Desurbanization and Rural-Urban Communities] (2016). Sost. i nauch. red. V.I. Il'in, N.E. Pokrovsky. Moscow: Universitetskaya kniga.

Heidegger M. (2007b) *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya: Evropejsky nigilizm* [Time and Being: Articles and Speeches: European Nihilism]. Per. s nem.; sost., per., vstup. st., komment. i ukaz. V.V. Bibikhina. Saint Petersburg: Nauka, pp. 87-244.

Heidegger M. (2007a) *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya: Vopros o tekhnike* [Time and Being: Articles and Speeches: On the Technique]. Per. s nem.; sost., per., vstup. st., komment. i ukaz. V.V. Bibikhina. Saint Petersburg: Nauka, pp. 306-330.

Karmazin I. (2018) Pognali gorodskih. Zhiteli megapolisov brosayut vse i uezzhayut v derevnyu [Driven away from the city. Residents of megapolises drop everything and move to the village]. URL: https://ria.ru/society/20180314/1516279976.html.

Orispää O. Maitoa ilman lehmää ja munia ilman kanaa — suomalaiset keksivät, miten maailman kasvavaa väestöä ruokitaan (2018). URL: https://yle.fi/uutiset/3-10402264.

Park R.E. (2011b) *Izbrannye ocherki: Sb. perevodov: Chelovecheskaya migratsiya i marginalny chelovek* [Selected Essays: Collection of Translations: Human Migration and Marginal Man]. Sost. i per. s angl. V.G. Nikolaev; otv. red. D.V. Efremenko. Moscow: INION RAN.

Park R.E. (2011a) *Izbrannye ocherki: Sb. perevodov: Fizika i obschestvo* [Selected Essays: Collection of Translations: Physics and Society]. Sost. i per. s angl. V.G. Nikolaev; otv. red. D.V. Efremenko. Moscow: INION RAN.

Shukshin V.M. (1998b) *Sobranie sochinenij v 6-ti knigah. Kniga tretya. Strannye lyudi* [Collected Works in 6 books. Book 3. Strange People]. Prim., komm. L. Anninskogo, G. Kostrovoj, L. Fedoseevoj-Shukshinoj. Moscow: Izd-vo "Nadezhda-1", pp. 503-525.

Shukshin V.M. (1998a) *Sobranie sochinenij v 6-ti knigah. Kniga tretya. Strannye lyudi : Vybirayu derevnyu na zhitelstvo* [Collected Works in 6 books. Book 3. Strange People: I Choose the Village to Live]. Moscow : Izd-vo "Nadezhda-1", pp. 33-40.

Steshin D., Gusejnov V. (2016) Pskovskie robinzony: Gorozhane pobezhali iz betonnyh truschob, zaselyaya zemlyu russkuyu zanovo [Pskov Robinsons: Citizens run from concrete slums to settle the Russian land anew]. URL: http://www.msk.kp.ru/daily/26543/3560275.

V glush, pod Lomonosov: pochemu gorozhane perebirayutsya zhit v derevnyu [To the wilderness, near Lomonosov: Why citizens move to live in the village] (2018). URL: https://www.lomolenobl.ru/v-glush-pod-lomonosov-pochemu-gorozhane-perebirajutsja-zhit-v-derevnju.

Vinogradsky V.G. (2009) *"Orudiya slabyh": tekhnologiya i socialnaya logika povsednevnogo krestyanskogo suschestvovaniya* ["Weapons of the Weak": Technology and Social Logic of Everyday Peasant Existence]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo instituta RGTEHU.

Vojnilov Yu., Maltseva D., Shubina L. (2016) Otkryvaya selo zanovo: issledovaniya selskih territorij [Re-opening the village: Studies of rural areas]. Pugacheva M.G. (Ed.) *Vektory razvitiya sovremennoj Rossii*. Moscow: Izdatelsky dom "Delo" RANHiGS, pp. 53-66.

Zadorin I., Maltseva D., Khomyakova A., Shubina L. (2014) Alternativnye selskie poseleniya v Rossii: stihijnaya vnutrennyaya emigratsiya ili osoznanny transfer v budushee [Alternative rural settlements in Russia: Spontaneous internal migration or conscious transfer to the future]. *Labirint. Zhurnal Socialno-Gumanitarnyh Issledovanij*, no 2, pp. 64-77.